

In: *Archeologia i prehistoria polska w ostatnim półwieczu*, pod red. St. Kurnatowskiego i M. Kobusiewicza. Poznań, pp. 353-379.

Tabaczyński St., 2000. Procesy etnogenetyczne: doświadczenia badawcze archeologii i przyszłość. In: *Słowianie w Europie wcześniejszego średniowiecza*, pod red. M. Miśkiewicz. Warszawa, pp. 79-99.

Terpilovskij R. V., Abašina N. S., 1992. Pamjatniki kievskej kul'tury. Kiev.

Urbańczyk P., 2000. Władza i polityka we wczesnym średniowieczu. Wrocław.

Vjargej V. S., 1999. Pomniki typu Pragi-Karčak i Luki Rajkaveckaj. In: *Archeologija Belarusi*, t. 2. *Železny vek i rannjaj s Jarednjavečča*, pod red. V. I. Šadyra i V. S. Vjargej. Minsk, pp. 317-348.

Zoll-Adamikowa H., 1979. Wczesnośredniowieczne cmentarzyska ciałopalne Słowian na terenie Polski, Część 2. Analiza. Wnioski. Wrocław.

Zoll-Adamikowa H., 1993. W kwestii genezy słowiańskich praktyk pogrzebowych. In: *Miscellanea archaeologica Thaddaeo Malinowski dedicata*, pod red. F. Rożnowskiego. Słupsk; Poznań, pp. 377-385.

LENKŲ ARCHEOLOGŲ DISKUSIJOS SLAVŲ ETNOGENEZĖS KLAUŠIMU BŪKLĖ

Michał Parczewski

Santrauka

Per pastaruosius penkiolika metų Lenkijoje vėl pagyvėjo ginčai dėl pirmųjų slaviškų gyvenviečių. Pasirodė gana daug archeologijos srities publikacijų, beje, labai nevienodos vertės, suorganizuota keletas įdomių diskusinių susitikimų.

Pasisakymuose galima pažymėti dvi pagrindines kryptis. Pirmoji, remdamasi archeologiniais ir istoriniais šaltiniais, pripažįsta, kad tezė apie slavų autochtoniškumą Oderio ir Vyslos baseinuose yra labai menkai argumentuota. Kartu aptariama kryptis šios etninės grupės šaknų ieško vidurinėje

ir aukštutinėje Padneprėje. Kita kryptis remiasi teoriniais samprotavimais (vadovaujamasi kultūros antropologų nuomone), pagal kuriuos kasinėjimų duomenys ir rašytiniai VI-VII m. e. a. šaltiniai neduoda pagrindo kalbėti slavų etnogenezės tema. Reikia pagaliau paminėti ir paramokslinius pasisakymus, kurių emocionalus santykis su šia labai sena problema išeina už normalios dalykiškos diskusijos ribų.

Iš lenkų kalbos vertė M. Michelbertas

Įteikta 2002 m. spalio mėn.

Латгалы и кривичи

Валентин Седов

Первые исследования соседских взаимоотношений латгалов и кривичей на основе археологических данных принадлежат Ф. Балодису. На основе погребальных памятников Восточной Латвии исследователь попытался выделить славянские и латгальские отличительные особенности в обрядности и вещевых инвентарях и полагал, что границу латгалов и кривичей фиксировала сооруженная первыми двойная линия городищ (Баллод, 1910; Balodis, 1927, 33-44 lpp.; 1928, p. 1-8; 1935, 152-162 lpp.). Вопрос о взаимоотношениях кривичей и латгалов во второй половине I тыс. н.э. рассматривался в интересной статье В. Уртана, посвященной связям раннесредневекового населения Латвии со славянами (Urtans, 1968, 65-85 lpp.). К тому же времени относится краткий обзор латгалославянских контактов во второй половине I и начале II тыс. н.э. Э. Д. Шноре, выполненный преимущественно на основе новых археологических материалов. Автором отмечена ошибочность положения Ф. Балодиса о возведении латгалами укрепленных поселений на границе с кривичами, поскольку эти городища разнородны в культурном и хронологическом отношении (Шноре, 1969, с. 145-157). Для изучения латгалокривичских связей наибольший интерес представляют работы А. Радиныша, в которых обстоятельно систематизированы все раннесредневековые погребальные древности Восточной Латвии. Итоги многолетних изысканий изложены в его монографии (Radiņš, 1999). Книга была встречена с большим интересом и получила высокую оценку в российской печати (Седов, 2001, с. 150-153). В настоящей статье автор многократно опирается на результаты исследований этого археолога.

В настоящее время представляется несомненным, что северная ветвь восточного славянства сформировалась в результате крупной миграции, имевшей место в период великого переселения народов из провинциально-римского ареала Средней Европы. Об этом отчетливо свиде-

тельствуют документируемое археологией запустение в конце IV-V в. н.э. земель Висло-Одерского региона, с одной стороны, и широкое распространение на севернорусской территории вещевых находок, характерных для средне-европейской провинциально-римской области, с другой. Объяснить последнее можно только миграцией крупных масс средневропейского населения. В местностях, освоенных этими переселенцами, изменяется система расселения, прекращается развитие прежних культур, формируются новые (Седов, 1999, с. 91-117).

Одной из таковых является культура псковских длинных курганов, получившая распространение на прежде преимущественно на относительно слабо заселенной прибалтийско-финской территории - в бассейнах озер Псковского и Ильменя (Седов, 1974; 1982, с. 46-58; 1995, с. 211-218; 1999, с. 117-128; Носов, 1981, с. 42-56; Аун, 1992, с. 85-137). Лишь юго-западная окраина ее ареала затрагивала древнюю балтскую территорию (рис. 1). Начало формирования этой культуры на основании находок, привнесенных из средневропейских земель, надежно определяется V в. Население Висло-Одерского региона в римское время было полиэтничным. В этой связи следует полагать, что носители культуры псковских длинных курганов на первых порах были этнически неоднородной массой. В их среде были и славяне, и аборигенные прибалтийские финны, и балты, в основном увлеченные миграционными потоками, проходившими через их земли, и, не исключено, сравнительно немногочисленные германцы. В новых географических и экономических условиях Псковского края наиболее действенным оказался славянский этнос, который ко времени становления Древнерусского государства образовал особую диалектно-племенную группу восточнославянского этноса, фиксируемую не только археологическими материалами, но особенностями древненовго-

родского диалекта (Седов, 1999, с. 117–140, 235–236).

До последних веков I тыс. н. э. кривичи территориально не соприкасались с латгалами. Формирование последних имело место в V/VI–VII вв. в северной части большого ареала курганов с каменными венцами и захоронениями по обряду ингумации. Наиболее ранние латгальские грунтовые некрополи (с труположениями до VIII в.) известны преимущественно в ареале названных курганов – на правом берегу Даугавы, примыкавшем к ее притоку Айвиексте и в нижнем течении этой реки (рис. 1). Прослеживается и некоторая эволюционная связь между курганными и грунтовыми погребениями. Если в первой половине I тыс. н. э. умерших хоронили в подкурганных ямах, то с VI в. появляются захоронения в могильных ямах, вырытых вокруг курганов. Труположения с внешней стороны каменных венцов, оконтуривших курганы, совершались и в VII в., однако в VIII в. уже господствовали отдельные латгальские грунтовые могильники с расположением захоронений рядами. Устанавливается закономерность в ориентировке погребенных – мужчин хоронили головами на восток, женщин – на запад. Складывается и характерное для латгалов женское убранство. Такая обрядность бытовала до распространения среди латгалов христианской религии.

Вместе с тем, вполне очевидно, что становление латгалов как отдельного племенного образования не было простой эволюцией культуры курганов с каменными венцами. На основе ее формировались также селы, земгалы и жемайты. Археологические материалы пока не дают объяснения, каким образом и в каких конкретных условиях на фундаменте единой культурной области первой половины I тыс. н. э. образуются древности нескольких раннесредневековых летто-литовских племенных групп. Не касаясь формирования селов, земгалов и жемайтов А. Радиньш полагает, что становление латгалов было обусловлено притоками населения с юго-запада из земли земгалов и куршей и с юга из срединных районов Литвы, а также инфильтрацией восточных балтов, будто бы отодвинутых славянами из Днепровско-Двинских областей (Радиньш, 1999, 155–165 lpp.). С последним согласиться никак нельзя – каких-либо следов расселения днепровских балтов в

ареале формирования латгалов археологически не выявляется. На начальном этапе в генезисе латгалов почти не участвовали и прибалтийские финны. Взаимодействие с последними могло иметь место только на северо-восточной окраине ареала латгалов. Предположение о миграции куршей и земгалов покоится на краниологических данных из могильников Айзкраукле и Леясбистены. Последние отличаются массивностью, узколищестью и широколищестью и сопоставимы антропологическими особенностями, свойственными жителям куршско-земгальского региона.

В VIII в. область расселения латгалов расширяется в северо-восточном направлении, где они встречаются с относительно редким прибалтийско-финским населением. В следующих столетиях наблюдается широкое расселение латгалов. Теперь их многочисленные могильники довольно плотно функционируют на всей восточнолатвийской территории (рис. 2). В среде латгалов, по всей вероятности, имел место некоторый демографический взрыв.

В тот же период в восточные части территории Латвии активно проникает население, хоронившее умерших в курганных могильниках. Такие некрополи в IX–XI вв. появляются сначала на западных окраинах бассейна р. Великой, затем в бассейнах рек Резекне, Малта, в верховьях Дубны и Айвиексте и далее на запад до Гауи. Картография курганных могильников (рис. 2) показывает, что наибольшее число их концентрируется на восточных окраинах Латвии, вплотную примыкая к кривичскому курганному ареалу. Здесь сосредоточены наиболее крупные некрополи, насчитывающие 100 и более курганных насыпей (Радиньш, 1999, 22. att.). Происхождение курганной обрядности в земле латгалов объяснимо только инфильтрацией в эту область кривичей. По своему внешнему облику и размерности курганные насыпи и курганные могильники Латгалии абсолютно идентичны кривичским. Как и у кривичей курганы опоясывались ровиками (сплошными или с перемычками), имевшими ритуальное значение.

Каких-либо данных для предположения о возникновении в Восточной Латгалии курганной обрядности под влиянием восточных (днепровских) балтов, как это полагает А. Радиньш, у нас нет. Более того, отсутствуют надежные археоло-

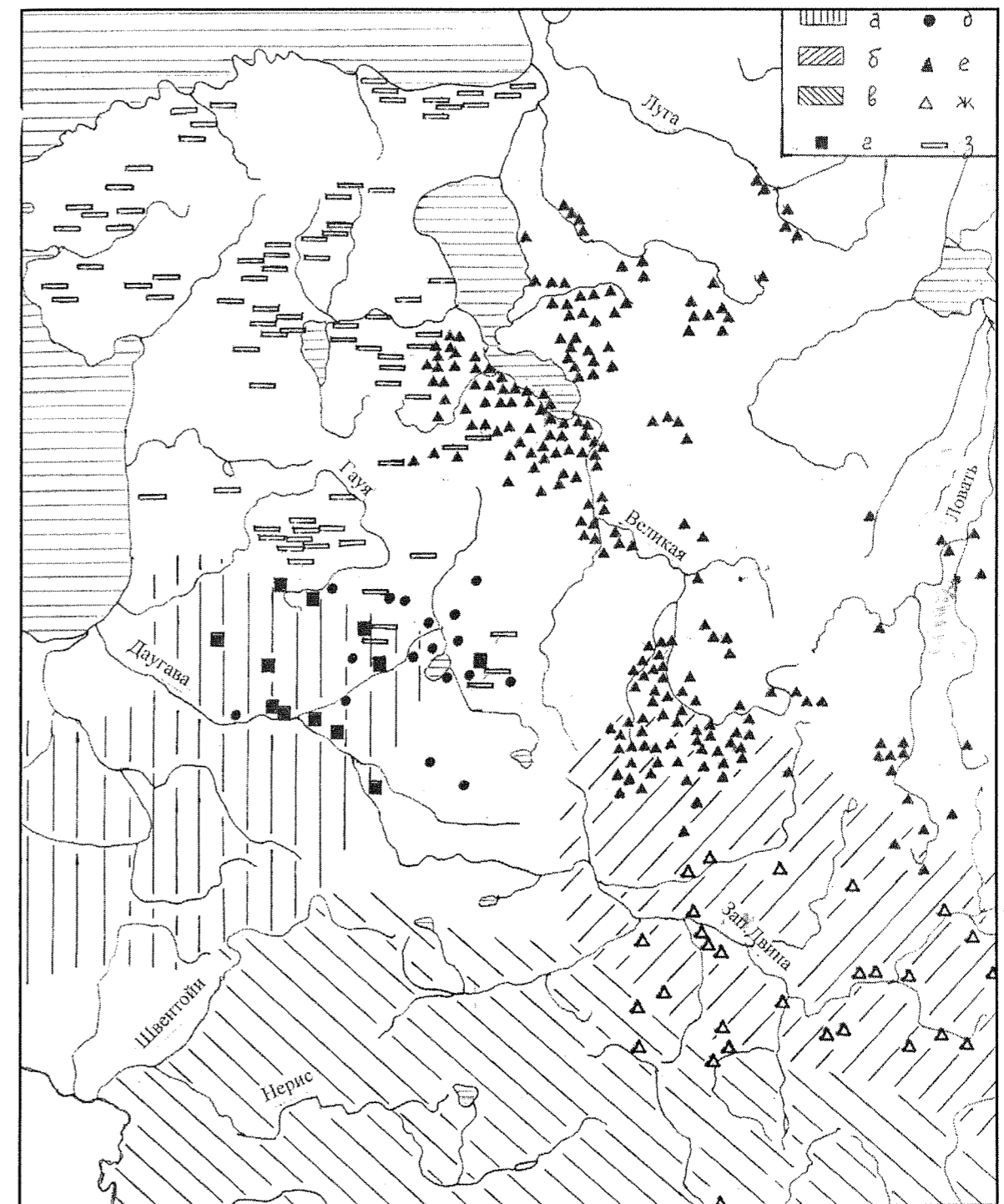

Рис. 1. Латгалы и кривичи в V–IX вв.

а – ареал курганов с каменными венцами первой половины I тыс. н. э.; б – ареал днепровско-двинской культуры; в – ареал культуры штрихованной керамики; г – грунтовые могильники латгалов, основанные до VIII в.; д – могильники латгалов VIII в.; е – кривичские могильники с длинными курганами псковского типа (V–IX вв.); ж – кривичские могильники с длинными курганами смоленско-полоцкого типа (VIII–IX вв.); з – каменные могильники эстов второй половины I тыс. н. э.

1 pav. Latgāļi ir krivičāi V–IX a.

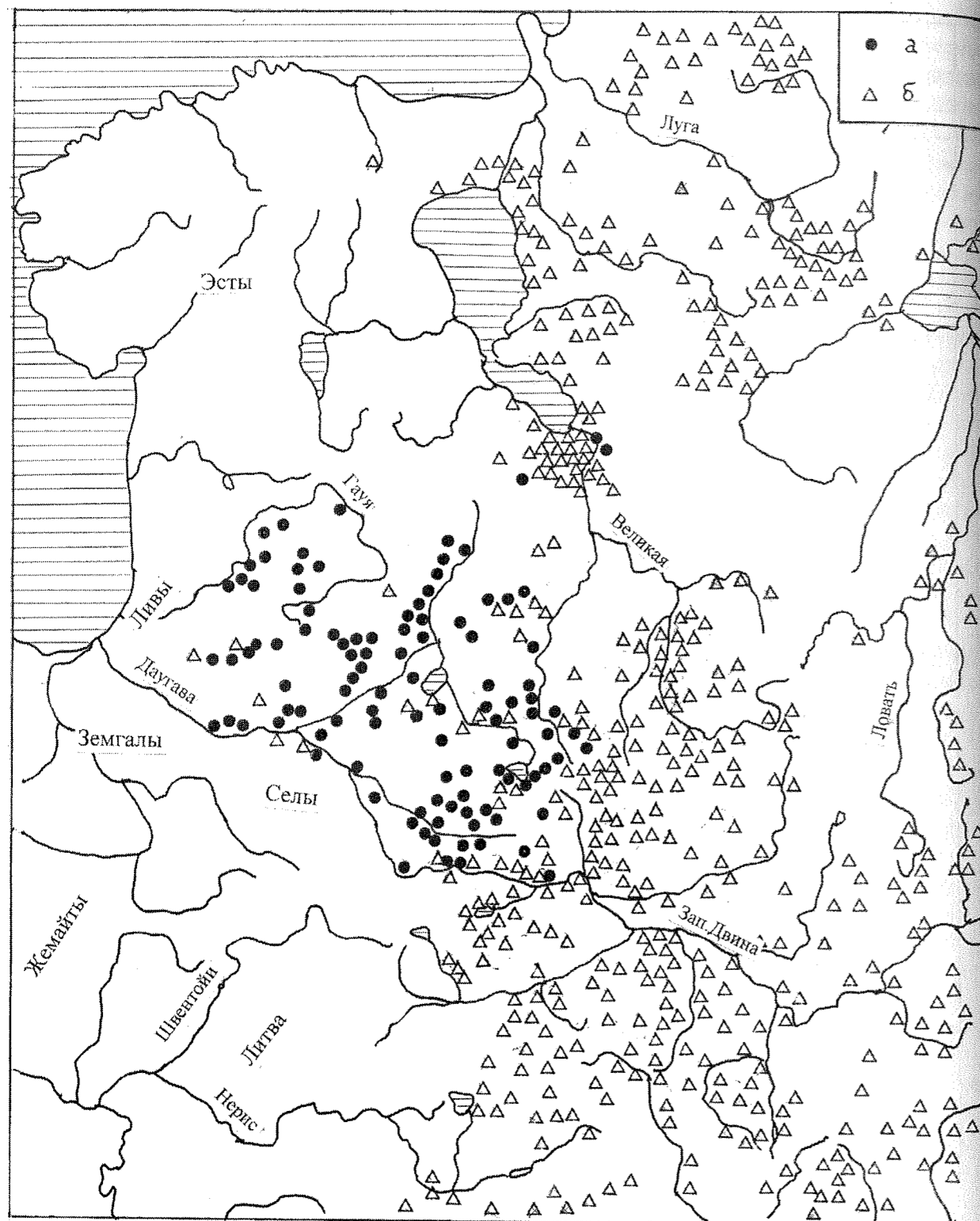

Рис. 2. Курганные и грунтовые могильники латгалов IX–XII вв.

а – могильники латгалов; б – курганные могильники.

2 pav. Latgalių IX–XII a. pilkapynai ir plokštiniai kapinynai.

гические материалы, которые бы определенно свидетельствовали о перемещении восточных балтов на запад под нажимом славян. Прежде, когда предполагалась массовое движение славян с юга вверх по Днепру, мысль о возможном оттоке днепровских балтов в прибалтийские земли была вполне допустима. В настоящее время археологически устанавливается, что славянское освоение Восточноевропейской равнины осуществлялось не лавинообразными миграционными волнами. Славянизация этой территории стала результатом нескольких инфильтрационных волн, при этом основные массы аборигенного населения не покидали мест своего обитания. К тому первая инфильтрация переселенцев в лесные области Восточноевропейской равнины, как сказано выше, шла не с юга, а с запада, постепенно разчленив древний балтский ареал на две крупные части. Новейшие археологические материалы позволяют говорить только о возможных подвижках местных жителей на микрорегиональных уровнях.

Ранние курганы Восточной Латгалии как и кривичские содержат захоронения по обряду трупосожжения. К востоку от Лудзы и Зилупе известно несколько могильников, имеющих в своем составе типично кривичские длинные курганы. Они по всем своим показателям не отличаются от типично кривичских и составляют окраинную часть общего ареала культуры псковских длинных курганов. Одна удлиненная насыпь размерами около 16×10 м и высотой до 1 м была исследована в могильнике вблизи Зилупе у с. Каталава, в которой открыты остатки 16 безынвентарных погребений по обряду кремации (Šnore, 1957, 171 lpp.; Шноре, 1969, с. 147–148) что весьма характерно для культуры псковских длинных курганов. В насыпи каталавского кургана встречены фрагменты лепной посуды более раннего времени, по-видимому, происходящие из культурного слоя расположенного где-то поблизости селища. Длинный курган ($41 \times 6,5$ м при высоте 0,95 м) в могильнике Пакрули был прорезан траншеей в 1925 г. Ф. Балодисом, в результате на материке выявлен зольно-угольная прослойка (Седов, 1974, с. 45), что является одним из существенных маркеров валлообразных погребальных насыпей псковских кривичей.

Как и в основном кривичском регионе, в восточной части Латгалии на смену длинным

приходят круглые (полусферические) курганы, содержащие преимущественно безынвентарные захоронения по обряду трупосожжения. Они располагались в общих некрополях с длинными насыпями или образовывали кладбища совместно с круглыми курганами, содержащими труположения, датируемые концом I и началом II тыс. н. э. Круглые или овальные курганы с остатками кремаций умерших раскапывались около Волкорезы, Латышонки, Пакрули, Пасиена, Скрипчина, Шушкава и в других местах. В насыпях или на материке обычно отмечается много золы и угольков, какие-либо находки при трупосожжениях отсутствуют. В могильнике Пасиена исследовано четыре кургана, в которых зафиксированы такие же как в длинных курганах подошвенные зольно-угольные прослойки и остатки трупосожжений, помещенных в неглубоких (10–20 см) ямках в верхних частях насыпей. В одном из курганов в насыпи найдены фрагменты гончарной древнерусской керамики (Шноре, 1969, с. 148–149).

В это же время в полосе сосуществования курганных некрополей и грунтовых могильников археологически наблюдается метисация латгальского и кривичского населения. Так, в курганах, раскопанных в Латышонках, открыты захоронения по обряду трупосожжения, а в одной насыпи и женское труположение с украшениями латгальского облика, датируемые X в. (Urtans, 1968, 69 lpp.). В одном из курганов могильника Волкорезы Ф. Балодисом на материке было открыто захоронение по обряду трупосожжения, а ниже в грунтовой яме находилось труположение (Balodis, 1935, 158–159 lpp.). Расположение в одних могильниках попеременно одинаковых по облику курганов с сожжениями и ингумациями также указывает на смешение кривичей с латгалами.

Более значительная часть курганов Латгалии содержат труположения в грунтовых ямах, по размерам, форме и заполнению тождественных могильным ямам типично латгальских безкурганных некрополей. Существенно и то, что обрядность, ориентировка и вещевые инвентари подкурганных захоронений в полной мере идентичны латгальским труположениям в грунтовых могильниках. Это дает основания утверждать, что погребения по обряду ингумации

в курганах Латгалии должны быть отнесены к латгалам, а не кривичам. И это может быть объяснено только тем, что кривичи, в немалом числе проникшие в области распространения латгальских грунтовых могильников, то есть в ареал латгалов, и принесшие сюда курганный обряд погребения, в скором времени подверглись аккультурации и были ассимилированы латгалами.

Таким образом, условия формирования латгальского населения восточных и северо-восточных районов Латвии существенным образом отличались от генезиса в коренной области латгалов, где они были прямыми потомками местных племен – носителей культуры курганов с каменными венцами первой половины I тыс. н. э. (с учетом притока отдельных групп нового

населения). Это различие достаточно ярко отразилось в диалектном многообразии латышского языка (Rudzite, 1964). Для региона становления латгалов, как и для области расселения селов, сформировавшихся также в ареале курганов с каменными венцами первой половины I тыс. н. э., свойственны «селонские говоры» верхнелатышского диалекта. В позднее освоенной латгалами северо-восточной и восточной частях Латвии, где генезис их протекал в условиях кривичского проникновения, получили распространение иные, так называемые «неселонские говоры» верхнелатышского наречия (рис. 3).

На территории обжитой латгалами в грунтовых могильниках VIII–XV вв. спорадически встречаются немногочисленные захоронения по обряду кремации. Они не образуют компактных групп,

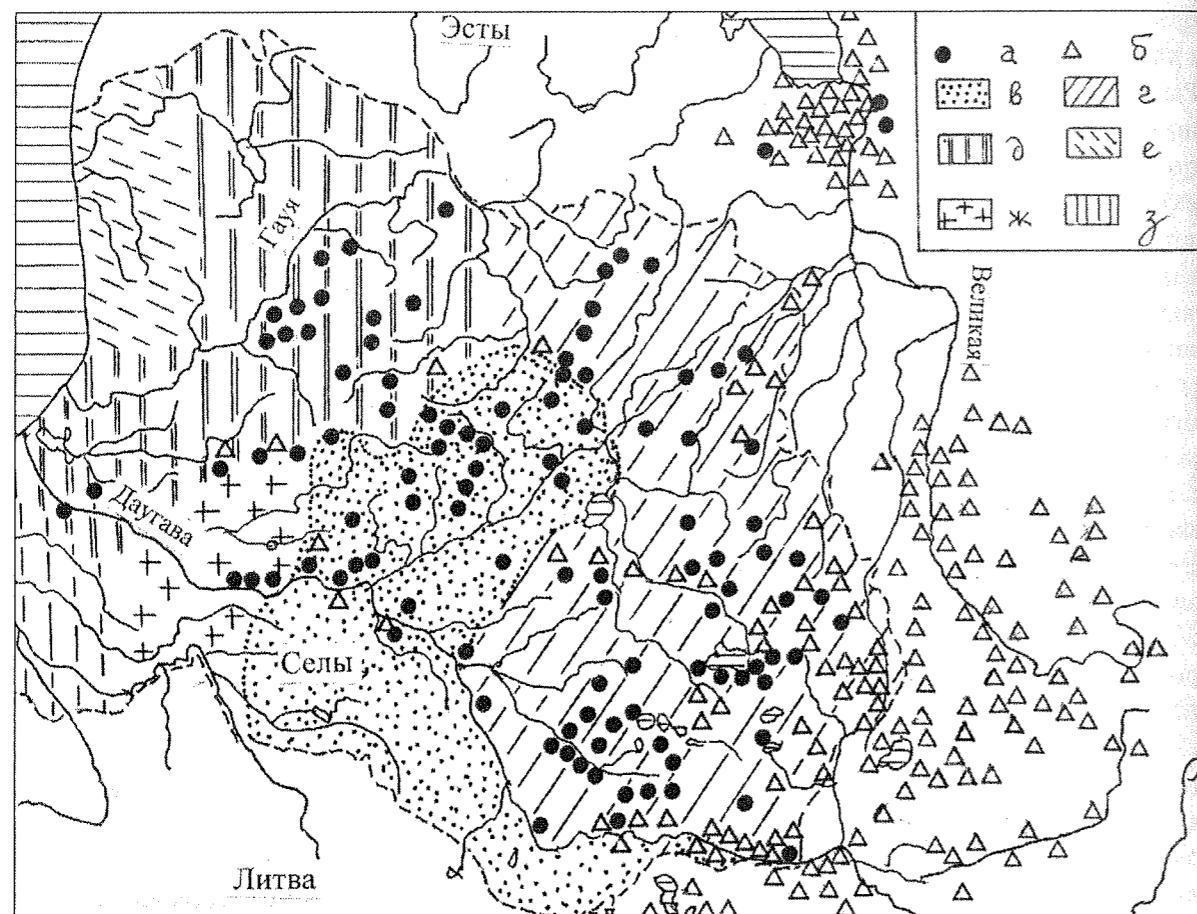

Рис. 3. Диалектологическая карта латышского языка и погребальные памятники раннесредневековых латгалов
а – грунтовые могильники латгалов; б – курганные могильники; в – ареал селонских говоров верхнелатышского диалекта; г – неселонских говоров того же диалекта; д – видземских говоров; е – ливонского диалекта; ж – говоров с верхнелатышскими интонациями; з – куронских говоров.

3 pav. Latvių kalbos dialektologinis žemėlapis ir ankstyvųjų viduramžių latgalių laidojimo paminklai.

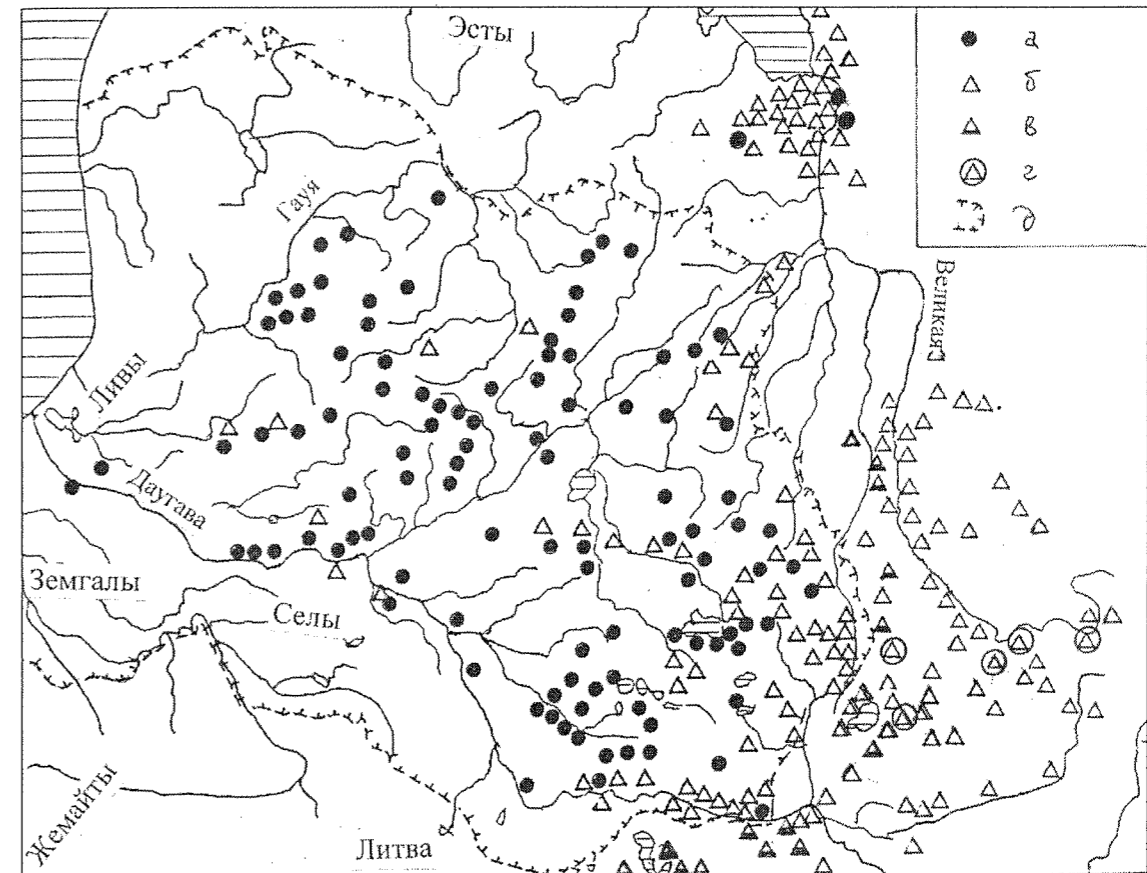

Рис. 4. Латгалы и кривичи в XI–XII вв.

а – грунтовые могильники латгалов; б – курганные могильники кривичей и латгалов, генетически восходящих к кривичам; в – курганные могильники кривичей с восточной ориентировкой погребенных; г – курганные могильники кривичей с находками латгальского головного убора.

4 pav. Latgaliai ir krivičiai XI–XII a.

а разбросаны почти по всей латгальской территории. Трупосожжения совершались на стороне, а кальцинированные кости помещались в могильных ямах кучкой на деревянной подстилке. Сопровождающий вещевой материал ничем не отличался от типично латгальского. Вопрос о происхождении обряда трепосожжения в ареале латгалов остается нерешенным. Исследователи Нукшинского могильника, в котором на долю таких захоронений приходится 2,3% исследованных могил, учитывая что они принадлежали женщинам, объясняли их брачными связями латгалов со славянами или литовцами (Шноре, 1957, с. 22). А. Радиньш не исключая этого полагает, что часть кремаций являются собственно латгальскими – такой способ захоронения был более подходящим для погибших на стороне (Radiņš, 1999, 30–34 lpp.), с чем трудно согласиться.

Картография трепосожжений в латгальских могильниках (Radiņš, 1999, 19. att.) позволяет полагать, что этот ритуал в Восточной Латгалии был, по всей вероятности, обусловлен кривичскими погребальными традициями, а на западе – контактами с ливами и вендами, опять-таки, по-видимому, в условиях латгализации выходцев из этих племенных групп.

В процессе миграции в восточном направлении отдельные группы латгалов проникли и в коренные кривичские земли (рис. 4). Так, поселения латгалов появились в округе Пскова, где среди массы курганных некрополей известно несколько грунтовых могильников X–XI вв. с типично латгальскими украшениями (Ершова, 1988, с. 108–110). Очевидно, эти переселенцы со временем растворились в массе кривичского населения. В верхнем течение р. Великой и в Себежском По-

озерье раскопано несколько курганов, в которых открыты женские труположения с латгальским головными уборами – вайнагами и другими украшениями культуры латгалов. Таковы, могильники в Шакелево, Горбунах, Федотково, Овсиновка, Остенец (Седов, 1982, с. 164). Вайнаги найдены также в курганных погребениях могильника Денисенки, расположенного на берегу оз. Лисно в северо-западной части Полоцкой земли (Сергеева, 1986, с. 75–80). Латгальская инфильтрация в окраинные области кривичского ареала оказала некоторое воздействие и на развитие погребальной обрядности. Таковым, в частности, является относительно раннее появление подкурганых труположений в грунтовых ямах. В окраинных кривичских районах правобережья

Западной Двины ямные труположения под курганными насыпями появляются уже в самом начале XI в., в то время как на основной кривичской территории переход от труположений на материке к захоронениям в грунтовых ямах осуществлялся в XII столетии. На пограничье с латгалами – в бассейне верхнего течения Великой и в Браславском Поозерье – выявлено довольно много курганных захоронений с восточной ориентировкой (Седов, 1970, с. 162–171; 1982, с. 98, карта 12), что бесспорно связано с балтским погребальным ритуалом. Однако, в данном случае нельзя определенно сказать, является ли эта обрядность воздействием латгалов, проникших в кривичские земли или наследием, проживавших здесь ранее днепровских балтов.

ЛИТЕРАТУРА

- Аун М., 1992. Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н. э. в Юго-восточной Эстонии. Таллин.
- Баллод Ф. В., 1910. Некоторые материалы по истории латышского племени с IX по XII столетие. Москва.
- Ершова Т. Е., 1988. Прибалтийские вещи в дореволюционных коллекциях Псковского музея-заповедника. In: *Археология и история Пскова и Псковской земли*. Псков, с. 108–110.
- Носов Е. Н., 1981. Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тыс. н. э. In: *Советская археология*. № 1. Москва, с. 46–56.
- Седов В. В., 1970. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. Москва.
- Седов В. В., 1974. Длинные курганы кривичей (Серия: Свод археологических источников. Вып. Е1-8). Москва.
- Седов В. В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. (Серия: «Археология СССР»). Москва.
- Седов В. В., 1995. Славяне в раннем средневековье. Москва.
- Седов В. В., 1999. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. Москва.
- Седов В. В., 2001. Рецензия на книгу: А.Радиш. 10–13. Gadsimta senkapi latgalu apdzivotajā teritorijā un Austrumlatvijas etniskās, sociālās un politiskās vēstures jautājumi. Rīga, 1999. In: *Российская археология*. № 3. Москва, с. 150–153.

- Сергеева З. М., 1986. Денисенковские курганы на Витебщине. In: *Краткие сообщения Института археологии*. Вып. 187. Москва, с. 75–80.
- Шноре Э. Д., 1957. Нукшинский могильник. Рига.
- Шноре Э. Д., 1969. Латгало-славянские контакты на территории Восточной Латвии во второй половине I-ого и начале II-го тысячелетия н. э. In: *Acta Baltico-Slavica*. VI. Bialystok, с. 145–158.
- Balodis F., 1927. Latviešu-krievu senā robeža. In: *Burtnieks*. Rīga, 33–44 lpp.
- Balodis Fr., 1928. L'ancienne frontiere slavo-latvienne. In: *Conference des historiens des etats de l'Europe Orientale*. Varsovie, p. 1–8.
- Balodis F., 1935. Latviešu-krievu senā robeža. In: *Ludzas aprinkis senāk un tagad*. Ludza, 152–162 lpp.
- Radiš A., 1999. 10–13. gadsimta senkapi latgaļu apdzivotajā teritorijā un Austrumlatvijas etniskās, sociālās un politiskās vēstures jautājumi. Rīga.
- Rudzite M., 1964. Latviešu dialektologija. Rīga.
- Šnore E. 1957. Latvijas PSR arheologu piedalīšanās Baltijas kompleksā arheoloģiskā, etnogrāfiskā un antropoloģiskā ekspedīcijā. In: *Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas vēstis*. 4. Rīga, 169–172 lpp.
- Urtāns V., 1968. Latvijas iedzīvotāju sakari ar slāviem I g. t. otrajā pusē. In: *Arheoloģija un etnogrāfija*. VIII. Rīga, 65–85 lpp.

LATGALIAI IR KRIVIČIAI

Valentin Sedov

Santrauka

Latgalių ir krivičių arealai formavimosi etape (V–VIII m. e. a.) neturėjo lietimosi taškų. Pirmasis (kaip ir sėlių) susidarė I m. e. tūkstantmečio pirmosios pusės pilkapių su akmenų vainikais kultūros pagrindu, šiaurinėje šios kultūros teritorijos dalyje. Tuo metu krivičiai apgyvendino didžiulę Pskovo ežero, Velikajos upės baseinò ir Dauguvos aukštupio gretimų rajonų teritoriją.

IX–XII a. pastebimas latgalių pasislinkimas šiaurės rytų ir rytų kryptimi. Jis užfiksuotas plokštiniais kapinynais su griautiniais kapais ir būdingomis įkapėmis. Tuo pat metu pastebima krivičių, kurių paminklai yra pilkapynai, integra-

cija į Latgaliją. Susidaro sritis, kurioje gyventojai vienu metu laidojo mirusiuosius ir plokštiniuose kapinyuose, ir pilkapiuose. Pilkapių analizė liudija, kad čia latgaliai aktyviai asimiliavo krivičius. Dėl šio proceso Latgalijoje susidarė dvi skirtingos tarmių grupės – sėliška latgalių formavimosi srityje ir sėlių gyvenamojoje teritorijoje ir nesėliška latgalių bei krivičių metizacijos regione. Paviėnės latgalių grupės prasišverbė į krivičių arealą, tai liudija pilkapių ypatumai. Vėliau šios grupės ištirpo krivičių masėje.

Iš rusų kalbos vertė M. Michelbertas

Įteikta 2002 m. spalio mėn.